

Марина Отеро Верзир Леа-Катрин Шацка #2

Томас Диманд. Копицентр. 1999. Пигментная печать, пластификация. 185,5 x 300 см.
Предоставлено автором и Эстер Схиппер, Берлин. © VG Bild-Kunst, Бонн,
2020. Фотография: © Томас Диманд.

Маскарад

Победы и поражения институтов

Не хочу в офис. Только вспомню – и тело тут же реагирует, как в третьем классе перед уроком математики у дна Мануэля. На днях в разговоре проскользнуло, что я в этом не одинока – кстати, на встрече выпускников потом выяснилось, что и живот от страха перед учителем сводило не только у меня. Оказалось, многие не хотят возвращаться в свои конторы и стараются по возможности работать из дома, как во времена карантина.

Речь, разумеется, идет о совершенно определенной категории населения, которая, даже с учетом боли в животе, устроилась довольно неплохо. И все равно не могу не задумываться о тех людях – и тех телах, – которые не желают возвращаться. Ни к офисному столу, ни к прежней жизни.

Нам свойственно принимать здания и установленные в них порядки как должное. Однако пандемия дала возможность взглянуть на наши рабочие места и привычки – например, на

культурные организации – немного со стороны и задаться вопросом: каково на самом деле тут находиться? Что происходит с нашими телами? К каким действиям это пространство нас подталкивает и почему?

Вообще, учреждения – это такие места, где люди, по идее, и не должны быть сами собой. Тела здесь размещаются и функционируют согласно определенной пространственной политике. Ощущения регулируются правилами и социальными нормами. И даже в тех случаях, когда рекомендации продиктованы этическими требованиями, заданные ими взаимоотношения, как правило, оказываются экстрактивными: ведь слишком многие институты до сих пор исходят из принципов, направленных против определенных категорий действий и тел.

Лекции и тренинги, посвященные мультикультурализму, инклюзии, безопасным территориям проводятся, как правило, в организациях, где работают в основном белые люди. Феминистические и квир-подходы используются для сглаживания чувства вины, поскольку руководят таким структурами по-прежнему мужчины. Возможно, как писал Феликс Гваттари, рассуждая об «институциональной психотерапии», институты действительно больны и их нужно вылечить, прежде чем они сами начнут лечить других, «заменяя бюрократию институциональным творчеством».(1)

Знала ли я все это до пандемии? Разумеется, знала. Я отдавала себе отчет в том, что многим людям неуютно, неловко и не по себе в таких помещениях – они сами делились со мной своими переживаниями. Я даже затевала какие-то проекты, чтобы отчасти исправить ситуацию. Но все наши попытки неизменно проваливались, а я сама, погрязнув в каждодневной рабочей рутине, не обращала внимания на собственный дискомфорт, вызванный поисками институциональной принадлежности, на сигналы тревоги, которые должны были по идее меня насторожить.

Семья, религия и национальность не могли дать мне основу

для институционального самоопределения; меня манила уверенность и защищенность, на первый взгляд свойственная людям с ярко выраженным чувством групповой принадлежности. В конце концов я остановила выбор на архитектуре. А архитектурная деятельность привела меня к работе с и над исполнительными органами этой дисциплины. С тех пор в качестве приезжего, неприспособленного и не очень подходящего я балансировала на грани невыносимого. Долгие годы я исследовала и испытывала альтернативные системы – децентрализованное высшее образование, временные музеи, внечеловеческие формы объединений – однако в итоге пришла к выводу, что моя так называемая критическая деятельность чаще всего просто оправдывала, легитимизировала существующие институты, вносила в них точечные изменения, делала боль чуть более выносимой и тем самым позволяла избежать коллапса.

Почему же тогда я продолжаю верить в институты? Почему – если вижу, насколько они стремятся к контролю? Почему – если встроенная в них бюрократия и критерии эффективности исключают пристальное внимание друг к другу и близость, без которых немислима подлинная забота? Почему, наконец, я продолжаю работать в институтах? По счастью, пока я переживала по поводу возвращения на маскарад и тешила себя размышлениями, как настоящая белая дама, другие люди взялись за дело.

Группы художников, активистов и культурных деятелей заняты тем, что выплетают основы для солидарности и творчества в зазорах городской ткани Роттердама. Они перехватывают существующие структуры, наполняют их новыми понятиями, правилами, методами, новыми симпатиями.

Они ставят под сомнение демократическое воображаемое существующих структур, указывая на области и тела, которыми их нормативные системы пренебрегают.

Они изобличают насилие, изначально заложенное в пространственные и эстетические принципы, которые

укоренились в институциональных практиках настолько, что многие из нас прибегают к ним, даже не замечая.

Они преодолевают разрыв между теми, кому легко и удобно в традиционных институциях и теми, кто чувствует, что им там не рады.

Они используют собственные раны, бросая вызов тем институтам, которые привыкли навязывать патриархальный режим подчинения и отчуждения, высвечивая связи между прошлыми и нынешними формами ксенофобии и расизма, проливая свет на системную дискриминацию.

Их проекты пронизаны ощущением зыбкости, свойственной диаспорам, чья жизнь несет на себе печать вековой неустроенности. Но теперь хрупкость и неустойчивость становятся преимуществом. Эти негромкие и, казалось бы, краткосрочные перевороты важны, потому что дают выход подрывной силе воображения, расширяют сферу применения политики признания, сдерживают институционализированное насилие проявлениями коллективной заботы. Они в равной степени нацелены на решение практических проблем и обкатывание новых идей. И вместо боли в животе они вызывают прилив несокрушимой энергии.

Я имею в виду деятельность [Амаль Алхаг](#), [Нэш Калдеры](#), [Александра Фуртадо](#), [Гионн Гудхоп](#), [Эгберта Алехандро Мартина](#), [Малика Мохамуда](#) со студией [Concrete Blossom](#), [Аиссы Траоре](#) и других. Они зеркально отражают существующие институты культуры и тех, кто, подобно мне, в них работает. Они заставляют прежние центры силы – как правило, совершенно оторванные от окружающей городской реальности – не останавливаться в развитии, начинать работать на новых основаниях. Отказываться от традиционных иерархических структур, основанных на неравноценном обмене. Или же уступить дорогу.

1. Félix Guattari, *Psychoanalysis and Transversality: Texts and Interviews 1955–1971(1972)*, trans. Ames Hodges,

(Semiotext(e)/MIT Press, Cambridge MA, 2015), p. 62, 17, 214.
Русский